

УДК 321.01

ПОСТСОВЕТСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АДЕКВАТНОГО ОПИСАНИЯ

А. К. Магомедов

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связи с общественностью, рекламы и культурологии, декан факультета культуры и искусства, Ульяновский государственный университет, armagomedov@gmail.com

В статье предпринимается попытка объяснить эволюцию теоретических представлений на становление российских региональных элит как влиятельных участников постсоветского политического процесса. Локальные правящие меньшинства рассматриваются как важный политический субъект, формирующий региональную политику и идентичность в условиях кризисной трансформации российского общества в 1990-е гг. Автор доказывает, что изучение региональной России с помощью объяснительных моделей, разработанных в недрах западной политической теории, не способствует пониманию характера постсоветской трансформации. В работе выдвигается исследовательская перспектива к изучению элит, которая заключается в содержательном рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства, когда элита любого общества выступает в качестве естественного генератора идей.

Ключевые слова: процесс децентрализации постсоветской России, региональные элиты, некритическое использование общепризнанных западных концептов.

Post-Soviet Regional Politics: Shaping of Main Directions of Study and Problems of Adequate Description

A. K. Magomedov

Arbakh K. Magomedov, ORCID 0000-0003-1303-1511, Ulyanovsk State University, 42, Leo Tolstoy Str., Ulyanovsk, 432000, Russia, armagomedov@gmail.com

This paper tries to explain evolution of theoretical views on development of the Russian regional elites as a influential actors of post-Soviet political process. The focus is on the local power minorities as the most important force shaping regional policy and identity in situation of crisis transformation of Russian society at 1990s. The author argues that the study of regional Russia by explanatory models from the bowels of the Western political theories does not contribute to understanding of real nature of post-Soviet transformation. The essence of research perspective is consists of a thorough examination of ruling groups in the light of their leadership mission when the elite of any society is a natural generator of its own ideas.

Key words: de-centralization of post-Soviet Russia, regional elites, non-critical use of common Western concepts.

DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-212-216

В данной работе исследуется трансформация теоретических представлений на постсоветскую региональную правящую элиту в 1990-е гг. Фокусирование на эти хронологические рамки важно по

следующим причинам. В это десятилетие происходило два параллельных процесса: 1) неуправляемая децентрализация общества, которая вынесла региональную элиту в центр общероссийской политики; 2) процесс познания этого нового субъекта российской политики инструментами и подходами политической науки, с которыми российская наука только начала знакомиться.

После коллапса Советского Союза новая Россия вступила на путь радикальных преобразований по нескольким направлениям: создания рыночной экономики, строительства политической демократии и формирования федеративного устройства государства. Однако данные процессы, имевшие характер «трансформации без плана» или «движения без карты», имели результатом хаотическую фрагментацию и неуправляемую децентрализацию общества. Так, к лету 1992 г. можно было уверенно говорить о начале процесса перемещения центра реальной власти на региональный уровень, а к осени 1993 г. российские провинции сосредоточили в своих руках около 60% полномочий федеральной власти¹.

Если в начале 1990-х гг. создание так называемой Уральской республики с собственной валютой можно было рассматривать как наиболее экзотический вариант экономического сепаратизма, то события первой чеченской войны стали иллюстрацией того, какие трагические сценарии возможны в данной связи. Характер подобной эволюции, помимо прочего, был задан суверенизацией и самоутверждением региональных элит. Региональные лидеры приобрели значительную автономию по отношению к центру, усиливали опеку над обществом. Для сохранения власти и её эффективного осуществления региональным элитам нужна была легитимность, т. е. признание, объяснение и оправдание установленного в рамках той или иной территории политического порядка. Провинциальные элиты в ельцинской России составляли правящие меньшинства, которые стали играть стратегическую роль в процессе принятия решений на локальном и федеральном уровнях. Всё это позволяло наиболее смелым наблюдателям говорить о том, что тогдашние субъекты Российской Федерации отличались друг от друга, пожалуй, даже в большей степени, чем государства Европейского союза. Как отметил бывший директор Института Кеннана Блэр Рубл, Москва, оставаясь психологическим якорем для жителей всей страны, напоминала скорее Рим, нежели Париж – национальную столицу как символ национального единства для регионов,

стремящихся к самоопределению в соответствии с местными экономическими и политическими связями².

Коллапс СССР и развернувшаяся в «новой» России хаотическая фрагментация власти поставили проблему региональных правящих элит в центр политологических исследований. Более того, эти процессы генерировали настоящий взрыв исследовательского интереса к вопросам региональной власти и природе локальных политических изменений в России. Характерной особенностью научных изысканий в данной сфере можно считать то, что исследование региональных процессов изначально стало вестись параллельно российскими и западными специалистами. Последние получили, по сравнению со своими предшественниками – советологами старшего поколения, очевидное преимущество: возможность посещать провинциальные города, прежде закрытые для иностранцев, и улучшенный доступ к местным политикам и политической информации. Со временем указанное параллельное развитие в некоторых своих чертах переросло в научную интеграцию российских и западных учёных.

Нарождающаяся российская политическая наука была вынуждена ответить на вызов стремительно развивающейся регионализации государства. Начатый в рамках данного процесса исследовательский поиск позволил создать интересные работы. В связи с этим в отдельную группу целесообразно выделить работы политологов, посвящённые анализу личных характеристик представителей региональных элит. В них изучались биографические данные, был представлен количественный анализ рекрутирования элит, рассматривались пути карьеры провинциальных политиков. Приоритетная роль здесь принадлежит О. Крыштановской, С. Уайту, М. Афанасьеву, Д. Бадовскому, А. Шутову, А. Понделкову, А. Огарёву, А. Магомедову, М. Фарукшину, Р. Галлямову, Ю. Тарасову³. Для нас в их работах наиболее важен анализ конкретных механизмов генезиса элитных группировок, преемственности и изменений в процессе циркуляции правящих групп в переходном контексте.

Постепенно происходящее взаимное освоение социально-политической эмпирики и социально-политического теоретизирования способствовало постановке и исследованию такой актуальной проблемы, как роль элит в трансформации и институционализации общества. Этому, в частности, был посвящён доклад Иосифа Дискина⁴. Он доказывал, что в условиях слома всей прежней системы социальных институтов элитам принадлежит беспрецедентная роль в становлении новых социально-экономических институтов. Л. В. Бабаева, Е. Я. Таршис и Л. А. Резниченко в рамках проекта по изучению процесса воздействия российской элиты на трансформацию современного российского общества концептуализировали сущностную сторону «совокупного сознания (поля сознания)»

элиты в понятии программирующей функции элиты⁵. Исследование значимых для российской политической элиты интересов и движущих сил, предпринятое британским учёным Д. Лэйном и российской исследовательницей Е. Мелешкиной, выявило особую роль политических ориентаций властвующего слоя в изменении общества. Таким образом, социологические и политологические исследования упомянутых и некоторых других авторов зафиксировали существенную особенность политической жизни правящих элит – производство идеологий, выработка программ и проектов модернизации общества.

Из наиболее значимых и ценных результатов зарубежных учёных необходимо отметить достижения профессора Оксфордского университета Мэри Маколи⁶. Её работы о политических изменениях в российских провинциях стали одними из первых и наиболее цитируемых на Западе исследований по отечественным региональным политическим элитам. Нельзя не отметить интересные труды других британских учёных из Центра русских и восточноевропейских исследований (CREES) Бирмингемского университета под руководством профессора Филипа Хансона⁷ и доктора Питера Киркова⁸. В центре их анализа – взаимодействие политики и экономики на региональном уровне. Особое внимание привлекается к изучению локальных возможностей для автономного развития регионов в сторону рыночной реформы и рассматривается вопрос, существуют ли институциональная структура, баланс властей и система стимулов, ведущие к радикальным изменениям «снизу».

Интересным фактом в исследовании региональных политических процессов стал научный проект «Изменение славяно-евразийского мира», частью которого является изучение политических процессов в российской провинции. Проект финансируется Министерством образования Японии под руководством профессора Центра славянских и евразийских исследований при университете Хоккайдо (Саппоро) Кимитаки Мауузато. Результатом этой деятельности стал выход на русском языке серии томов «Регионы России: хроника и руководители»⁹. Серия претендовала на пространственный охват политических процессов всей российской провинции, включая политическую историю регионов. Здесь представлена ценная информация, включающая сведения о политическом пространстве современной России, регионов как моделей политического развития, избирательных циклов и электоральном ландшафте провинций, а также социально-политические портреты регионов. Аналогичный характер носил труд сотрудников Московского Центра Карнеги «Политический альманах России» под редакцией проф. Стэнфордского университета Майкла Макфола и сотрудника Института географии РАН Николая Петрова¹⁰. Наиболее близко к рассмотренным сюжетам стояла группа публикаций, анализирующих избира-

тельные процессы и борьбу за власть в регионах в рамках новых демократических институтов. Это работы Олега Григорьева и Михаила Малюткина¹¹, а также Даррела Слайдера¹². Данные исследования позволяют увидеть процессы складывания протодемократических организаций в регионах и характер связи межэлитных взаимодействий с институциональной структурой. Весьма продуктивным является анализ взаимоотношений внутри элитных групп и между элитами и другими слоями регионального сообщества в рамках клиентелистских подходов. Наиболее успешно данный подход реализован в работах Михаила Афанасьева¹³ и Игоря Куколева¹⁴.

Заслуживает также внимания сборник докладов американских учёных под редакцией Теодора Фредгута и Джеффри Хана «Местная власть и постсоветская политика». Из этого сборника особый интерес представляет работа Джоэля Мозеса «Саратов и Волгоград, 1990–1992: История двух российских провинций»¹⁵. Основной вопрос, ответ на который стремится получить Мозес, – каковы причины политической диверсификации соседних, исторически связанных и во многом схожих регионов в период политических изменений 1989–1991 гг. Для нашего анализа важно то, что в работе подробно описываются «расклады» в саратовской элите и факторы, влиявшие на политическое развитие в регионе. В его статье довольно точно определён характер партийной элиты в 1960–1980-е гг. и её роль в трансформационных процессах постперестройки.

Работы перечисленных зарубежных авторов выгодно отличают умелая постановка исследовательских задач, широкое вовлечение количественных показателей, биографических данных и многовариантных статистических анализов. Однако при всей эмпирической корректности некоторые из них не дают адекватной картины российской политики. Например, Джеффри Хан во введении к своему сборнику повторяет сомнительные тезисы о «косной провинции» и «демократической столице», занимаясь поисками того, каков характер противодействия рыночным реформам со стороны локальных политических сил.

Важной составляющей процесса генезиса элит является характер межэлитных связей, внутренней мобильности и дифференциации различных властвующих групп. Данные сюжеты развиваются в исследованиях Владимира Гельмана, Александра Дука и Нила Мелвина¹⁶. В этих работах политическое развитие России и её регионов рассматривается в свете дискуссии о перспективах формирования «сообщества элит» в направлении преодоления раскола между его членами. Однако такой подход наталкивается на неразрешимую пока дилемму. Она состоит в определении того, какой потенциал таит в себе указанная консолидация: демократический или авторитарный. Пока же большинство авторов считают проблематичной возможность постепенного перехода к демократии

через консолидацию различных сегментов региональных элит и освоение ими внешне демократических форм отправления власти.

В указанном же ключе можно рассматривать одно из достижений американской исследовательницы Кэтрин Стонер-Уайс из Принстонского университета. Её книга «Локальные герои. Политическая экономия российской региональной власти»¹⁷, основанная на сравнительном анализе четырех российских регионов (Нижегородской, Тюменской, Ярославской и Саратовской областей), заслуживает особого внимания. Автор ставит целью объяснить, почему в одних провинциях существовали действенные и эффективные власти («локальные герои»), а в других – нет. Используя новые данные экономических, политических и социальных наук в сочетании с продолжительной работой в российских регионах по сбору первичных данных, автор пытается объяснить причины и смысл этих различий. Основная гипотеза исследования состоит в том, что в переходной ситуации образование коалиций между экономическими и политическими элитами может иметь позитивный эффект на результативность власти. Автор доказывает, что локальные власти способны осуществлять эффективную политику лишь в регионах с высокомонополизированной индустрией. Наличие в регионах концентрированных экономик («comprany towns») фокусировало региональные интересы и повышало взаимозависимость экономических и политических акторов.

Концепт «comprany towns» не обладает значимой объяснительной ценностью, так же как концепт «межэлитных пактов» («pacting»), на которые делают ставки некоторые аналитики, видя в них надежды на пути к строительству протодемократических коалиций в постсоветских регионах. В частности, вариант «пакта элит» использовался многими учёными как единственно надёжный путь к консолидации демократии и в качестве ключевого условия успешного демократического транзита. Как нам представляется, авторы переоценили потенциал осознанной межэлитной сплочённости в регионах и, напротив, недооценили другие важные характеристики, обусловившие мотивацию различных политических сил. Поскольку очень скоро «вдруг» выяснилось, что «comprany towns» или «pacting» сами по себе не создают гарантий долгосрочной эффективности региональных или городских властей. Более того, использование таких подходов и аналитических метафор зачастую имеет эффект, который видный американский политолог Дж. Сартори много лет назад назвал «концептуальной натяжкой»¹⁸. Здесь мы имеем типичный случай попыток изучения политической трансформации региональной России с помощью непосредственного переноса объяснительных моделей, разработанных на примере западных стран и в недрах западной политической теории. Такой перенос не способен объяснить ни уникальности конкретных «отклоняющихся» региональных кей-

сов, ни быстро меняющихся политических характеристик кризисного переходного общества, какой была Россия в 1990-е гг.

Нам нужно исходить не только из множественности способов движения к демократии, в которых элитные коалиции в виде «comprony towns» или «rafting» являются сценариями развития. Крайне важно подчеркнуть сложность, а в российских региональных случаях большую редкость заключения «межэлитных пактов» в силу быстро меняющихся правил политической борьбы. Как показывает опыт российской региональной политики 1990-х гг., при вышеуказанной неопределённости шансы на то, что представители правящей коалиции и их оппоненты смогут взаимодействовать в ситуации равновесия сил, оказывались весьма невелики, и верх брали сценарии «победитель забирает всё». В других случаях попытки обеспечить договорённость об уровне самостоятельности различных региональных акторов (например, как это часто бывало, между губернатором и мэром региональной столицы) имели результатом продолжительный конфликт, который надолго сковывал региональное развитие.

Некритическое применение общепризнанных западных концептов к анализу ранних постсоветских реалий приводит к тому, что В. Гельман охарактеризовал как «столкновение с айсбергом»¹⁹ – неспособность адекватно оценить природу политической трансформации российских локальных сообществ. Попытки переноса популярных англо-американских подходов и концептов к изучению и объяснению сложных реалий переходных российских территорий были раскритикованы в работах отечественных специалистов – статье А. Богатурова²⁰ и обобщающей книге В. Гельмана, С. Рыженкова и М. Бри о региональных политических режимах²¹.

Такие факторы провинциальной политической жизни, как характер политической конкуренции, взаимоотношения между главами различных ветвей власти, уровень и интенсивность вовлечения региональных бизнес-элит в процесс принятия решений, степень социальной ответственности основных региональных акторов, создают сложную и многосоставную систему координат региональной политики, которую нельзя объяснить с помощью простых аналитических подходов. Как убедительно доказали российские политологи А. Вилков и Н. Шестов, весь сложный комплекс факторов российской региональной трансформации отражает самобытность политического функционирования различающихся между собой российских территорий²².

Проведённый анализ подводит к следующему обобщению, позволяющему обозначить исследовательскую перспективу для дальнейших элитологических исследований. Российская элитология, зародившаяся на рубеже 1980–1990-х гг., в 1990-е гг. уже находилась в активной фазе своего становления, что предопределило превраще-

ние её в отдельное направление отечественной политологии со своими школами, традициями и даже «классиками». Развернувшиеся процессы передела собственности и власти, формирование новой бизнес-элиты, выход региональной элиты на общероссийскую политическую арену поставили проблему элит в центр научных исследований. Для того чтобы исследовать проблему правящих меньшинств, были брошены значительные силы социологов и политологов, которые, независимо от ценностных критериев, проводили исследования элит, исходя, главным образом, из следующих признаков: размера имущества и должностных кумуляций, происхождения и групповой принадлежности, карьеры и влияния. Эти данные обрабатывались и систематизировались со знанием дела, что позволило распознать: как, в каком направлении и на какие страды расслаивается общество. Но многого ли этим в конечном счёте можно достичь?

Решающим, на наш взгляд, является то, акцентируются ли указанные различия между элитой и неэлитой, как они оцениваются, какую роль играют для общества. Иными словами, несут ли те, кто «наверху», ответственность, задают ли они масштабы развития своих сообществ, подают ли образцы и управляют развитием, или они только находятся «наверху». Это говорит о том, что становится неизбежным соединение анализа политических элит с изучением процессов развития общества.

Суть предлагаемой нами перспективы к изучению элит заключается в содержательном рассмотрении правящих групп через призму их генетической миссии – лидерства. В таком контексте особенно актуальным становится проблема мировоззрения элиты, поскольку самым утончённым признаком элиты и одновременно вершиной и воплощением всех её психологических сил является её мировоззрение. Элита любого общества – не просто главный субъект политики, она – естественный генератор идей, она же – передатчик заимствованных идей. Это куда более важная и трудная задача, нежели простое отправление властных функций или распределение ресурсов. Особо нужно отметить, что члены политических элит выступают в качестве наиболее активных, способных к обобщениям индивидуумов, выполняя роль производителей и распределителей идеологии. Мысли господствующих классов являются господствующими в любую эпоху, а пути обществ столь же закономерно определяются мифами и доктринами правящих меньшинств. Особенно это важно в кризисные эпохи, когда общество оказывается в переходном состоянии. В силу данных обстоятельство политическое сознание и политическая идеология правящих меньшинств играют очень большую роль. Таким образом, властвующие элиты представляют собой политические группы, способные выражать свои интересы и волю на языке идеологии. Наряду с функцией отправления власти разработка идеологии является областью политического призвания элит.

Примечания

- 1 См.: Павленко С. Центр-регионы : кто-кого? // Международная жизнь. 1993. № 4. С. 91.
- 2 См.: Рубл Б. Институт Кеннана и региональная Россия // Земство. Архив провинциальной истории России. 1994. № 3. С. 35.
- 3 См.: Kryshstanovskaya O., White S. From Soviet Nomenclatura to Russian Elite // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48, № 5. 711–733 ; Афанасьев М. Н. Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Электронная библиотека Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1994_6_Afanasyev.pdf (дата обращения: 10.01.2010) ; Его же. Клиентелизм и российская государственность. М. : Центр конституционных исследований МОНФ, 1997 ; Бадовский Д., Шутов А. Региональные элиты в постсоветской России : особенности политического участия // Кентавр. 1995. № 6. С. 3–23 ; Огарёв А., Понеделков А. Лидер. Элита. Регион. Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ, 1995 ; Магомедов А. Политические элиты российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4. С. 72–79 ; Фарукишин М. Х. Политическая элита в Татарстане : вызовы времени и трудности адаптации // Полис. 1994. № 6. С. 67–79 ; Тарасов Ю. Правящая элита Якутии : штрихи к портрету // Полис. 1993. № 3. С. 171–173 ; Галлямов Р. Политические элиты российских республик : особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998. № 2. С. 108–115.
- 4 См.: Дускин И. Е. Элиты как субъект российских реформ // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 1996. № 1. С. 10–17.
- 5 См.: Бабаева Л. В., Таршиш Е. Я., Резниченко Л. А. Элита России : о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4. С. 40–50.
- 6 См.: McAuley M. Politics, Economic and Elite Realignment in Russia : A Regional Perspective // Soviet Economy. 1992. № 8 (1). P. 46–88 ; *Iadem*. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997.
- 7 См.: Hanson Ph. How Many Russias? Russia's Regions and their Adjustment to Economic Change // International Spectator. 1997. № 1 (31). P. 39–53 ; Regional Economic Change in Russia / ed. by Philip Hanson and Michael Bradshaw. Cheltenham : Edward Elgar, 2000.
- 8 См.: Kirkow P. Russia's Provinces. Authoritarian Transformation versus Local Autonomy? N.Y. : St. Martin's Press, 1998.
- 9 См.: Регионы России : хроника и руководители / под ред. К. Мацузато, А. Шатилова. Sapporo : Hokkaido University, Slavic Research Center, Occasional Papers in Slavic-Eurasian World, 1997.
- 10 См.: Политический альманах России 1997. Выборы и политическое развитие / под ред. М. Макфола и Н. Петрова. М. : Моск. Центр Карнеги, 1998.
- 11 См.: Григорьев О., Малютин М. Региональная ситуация в России после декабрьских выборов : анализ новых тенденций и политических итогов местных выборов весной 1994 года. М. : Фонд «Дискуссионное пространство», 1995.
- 12 См.: Slider D. Elections to Russia's Regional Assemblies // Post-Soviet Affairs. 1996. № 3 (12). P. 243–263.
- 13 См.: Афанасьев М. Н. Указ. соч.
- 14 См.: Куколев И. Региональные элиты : борьба за ведущие позиции продолжается // Власть. 1996. № 1. С. 46–52.
- 15 См.: Moses J. Saratov and Volgograd, 1990–1992 : A Tale of Two Russian Provinces // Friedgut T., J. Hahn (eds). Local Power and Post-Soviet Politics. Armonk, N.Y. : Sharpe, 1994. P. 96–137.
- 16 См.: Гельман В. Региональные режимы : завершение трансформации? // Свободная мысль. 1996. № 9. С. 13–22 ; Дука А. Трансформация местных элит (институционализация общественных движений : от протеста к участию) // Мир России. 1995. Т. 4, № 2. С. 106–117 ; Его же : Конфликты и компромиссы в структурах региональной политической элиты : типология противоборства // Северная Пальмира. 1997. № 9. С. 46–51 ; Melvin N. The Consolidation of a New Regional Elite : The Case of Omsk, 1987–1995 // Europe-Asia Studies. 1998. Vol. 50, № 4. P. 619–650.
- 17 См.: Stoner-Weiss K. Local heroes. The Political Economy of Russian Regional Governance. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 1997.
- 18 См.: Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // American Political Science Review. 1970. Vol. 64, № 4. P. 1033–1053.
- 19 Гельман В. «Столкновение с айсбергом» : формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. № 6. С. 6. URL: http://www.politstudies.ru/index.php?page_id=453&id=2970&id=2966&jj=85 (дата обращения: 12.05.2006).
- 20 См.: Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5, № 1. С. 195–201.
- 21 См.: Россия регионов : трансформация политических режимов / общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М. : Весь мир, 2000.
- 22 См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191 ; Вилков А. А. Основные концептуальные трактовки политической субъектности в отечественной политологии // Политическая субъектность региональных социумов и элит : динамика, проблемы и перспективы : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 30 мая 2014 г.) / отв. ред. А. А. Вилков. Саратов : Саратовский источник, 2014. С. 15–22.

Образец для цитирования:

Магомедов А. К. Постсоветская региональная политика: формирование основных направлений исследования и проблемы адекватного описания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 212–216. DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-212-216.

Cite this article as:

Magomedov A. K. Post-Soviet Regional Politics: Shaping of Main Directions of Study and Problems of Adequate Description. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 212–216 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2018-18-2-212-216.